

Святые реликвии белозерских монастырей

*С.В. Третьякова – аспирант кафедры теории,
истории культуры и этнологии
Вологодского государственного педагогического университета*

Этнокультурное пространство Белозерья – это уникальное средоточие памятников истории и духовной культуры Русского Севера. Православный ландшафт региона складывался на протяжении XIII–XIX вв. и включал целый архипелаг обителей, локализованных на сравнительно небольшой территории, являя собой органичную, хотя и довольно разветвленную монастырскую систему. В разное время здесь было основано и функционирова-

¹ ПСЗ–II. СПб., 1830–1885. Т. XVII. № 16015. С. 694–695.

² Там же. Т. XXVIII. № 26940. С. 20–21.

ло более двадцати иноческих общин, наиболее известными среди которых являлись Кирилло-Белозерский, Ферапонтов монастыри, Горницкая девичья обитель, Нило-Сорская и Филиппо-Ирапская пустыни, островной Кирилло-Новоезерский монастырь и прочие. Подавляющее большинство монастырских обителей Белозерья было создано священноиноками, составившими впоследствии духовное ядро сонма преподобных, почитаемых не только в среде местного населения, но и далеко за пределами географической области их земного подвижничества. В монастырских обителях края обрели покой святые мощи их учредителей и восприемников: преподобного Кирилла Белозерского († 1427; память – 9 июня¹), святого игумена Мартиниана († 1483; память – 12 января, 7 октября), Нила Сорского († 1508; память – 7 мая), Кирилла Новоезерского († 1532; память – 4 февраля, 7 ноября) и многих других.

Каждый монастырь представлял собой целостный предметно-сакральный комплекс, насыщенный разнообразными компонентами. Центральное место в интерьере главного монастырского храма занимали мощи. Как правило, святые останки подвижников, покоившиеся открыто, возлагали в раку – ковчег. Над мощами, находившимися под спудом, сооружалось специальное надгробие. Оформлению святого места уделялось особое внимание. Обыкновенно надгробие или ковчег с мощами поднимали на постамент, обрамляли специально устроенной сенью, богато украшенной резьбой. Рака почитаемого святого покрывалась драгоценной тканью (надгробной пеленой) с лицевым изображением угодника, над ракой ставилась икона. Пред мощами неугасимо горели свечи и лампы. Зачастую вблизи надгробия находились вещи, принадлежавшие святому при жизни. Вместе все вышеперечисленное складывалось в совокупность, детерминируемую исследователями как «надгробный комплекс»².

В настоящей статье речь пойдет о столь важных составляющих сакрально-предметного мира Белозерских монастырей, каковыми являлись вещи, почитаемые как свидетели и современники земных подвигов своих владельцев. Освященные событиями монастырской истории, печатью творения или просто памятью чтимых угодников, со временем предметы, входившие в состав этого комплекса, обретали статус святых реликвий. В итоге не только сами святые тела или места их погребения, но и конкретные физические объекты, ранее соприкасавшиеся с этими телами, были «особенными местами, где встречались противоположные полюса небес и земли»³.

¹ Все даты указаны по старому стилю.

² См., напр.: Никитина Т.Л. Надгробный комплекс преподобного Авраамия Ростовского // Уваровские чтения—III. Русский православный монастырь как явление культуры: история и современность: Материалы научной конференции (Муром, 17–19 апреля 1996 г.). Муром, 2001. С. 192–196; Мельник А.Г. Гробница святого в пространстве русского храма XVI – начала XVII века // Восточнохристианские реликвии. М., 2003. С. 533–551.

³ Браун П. Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве. М., 2004. С. 13.

Наибольшее количество святых реликвий находилось на территории Кирилло-Белозерского монастыря. Они были представлены вещами и предметами, восходящими (согласно документальному свидетельству, а в большинстве случаев – устному преданию) к временам земных подвигов Кирилла Белозерского. Вещи, некогда принадлежавшие преподобному, очень рано стали расцениваться как святыни, причем не только в самой обители, но и за ее пределами. Примером тому может служить крест-мошевик из собрания Сергиево-Посадского музея-заповедника, датируемый концом XVI столетия. На оборотной стороне креста в числе прочих записей о вложенных частицах мощей значится: «...шуба и клобук Кирилла Белозерского»¹. Следует понимать, что в крест-мошевик были заложены малые частицы облачения Кирилла Белозерского, которое святой игумен носил еще при жизни. Почитаемые наравне со святыми останками, эти реликвии обладали не меньшим священным статусом. В монастырской описи 1601 г. они и вовсе именованы мощами: «В той же [казенной] полате чудотворьца Кирилла мощи, часть клобука, шуба баранья, ковш деревенной, да тесма ременная, у ней пряжка деревянная, корманец кожаной невелик»². Как мы видим, сакральная ценность подобных объектов была необычайно велика.

Из единого комплекса реликвий, соотносимых со святым угодником, целесообразно выделить четыре группы священных предметов:

1. Личные (келейные) вещи преподобного: деревянный дорожный посох, овчинный тулуп, кожаная сума и пояс с карманным ножом, шерстяной головной убор (камилавка), деревянный ковш, две медные чаши, железные вериги и некоторые другие вещи.

2. Богослужебные предметы: фелонь преподобного Кирилла, священные сосуды и прочие предметы, используемые в литургических целях.

3. Памятники письменности: напрестольное Евангелие, списанное иноком монастыря Христофором в 1417 г., около тринадцати книг, собственноручно переписанных преподобным, духовное завещание на имя князя Андрея Можайского, составленное Кириллом Белозерским³.

4. Прочие святыни, представленные, прежде всего, тремя деревянными крестами, изготовленными по преданию самим Кириллом Белозерским⁴.

Все священные реликвии Кирилло-Белозерской обители (исключая кресты Кирилла) хранились либо при гробе угодника, либо в монастырской ризнице. Последняя, конечно, была главным местом сбережения святынь. К раке вещи преподобного, по-видимому, выставляли для демонстрации высоким

¹ Цит. по: Описание строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года: Комментированное издание / Сост. З.В. Дмитриева и М.Н. Шаромазов. СПб., 1998. С. 268–269.

² Там же. С. 170.

³ Описание историко-археологическое древностей и редких вещей, находящихся в Кирилло-Белозерском монастыре, составленное архимандритом Варлаамом // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1859. Кн. 3. Отд. 1. С. 70–79.

⁴ Отдел письменных источников Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32. Л. 4.

гостям или же в дни монастырских празднеств. Так, например, в мемуарах паломника, побывавшего в обители в 1841 г., содержится следующая запись: «28 августа 1841 г. Проспал заутреню. Поклонился мощам святого мужа. Перед ракою за стеклом хранятся: сосуды, ризы в коих служил он, стихирарь, святцы, овчинная шуба, кожаный пояс, шерстяной колпак, две чашки..., ковшик, духовное завещание. Представлял его себе пешествующа в этом наряде из Московских пределов, с благословением Св. Сергия, в дебри Белозерские»¹. Другой паломник, А.Н. Муравьев, посетивший монастырь в начале пятидесятых годов XIX столетия, лицезрел «имуущество святого мужа» в ризнице, отметив при этом: «умилительно... видеть, что в сей некогда великолепной ризнице убогая утварь первого настоятеля пережила все собранное и впоследствии утраченное богатство, которое, казалось, закреплено было столькими грамотами и замками»².

Среди почитаемых предметов особенно выделялись вериги Кирилла Белозерского. Вериги, добровольно носимые монахами-подвижниками для умерщвления плоти, являли собой наглядное свидетельство крайней суровости аскетического подвига, производя неизгладимое впечатление на тех, кто хотя бы мысленно примерял их на себя. Эти свидетели строжайшей аскезы преподобного Кирилла состояли из двух увесистых крестов с изображением Голгофы и надписями: «Царь Славы»; «Иисус Христос»; «Сын». При помощи восемнадцати цельнометаллических пластин кресты фиксировались на груди и спине подвижника. На цепи подвешивался еще один железный крест грубойковки. Кроме прочего надевалась опояска, сделанная из двух металлических пластин, соединенных между собой и застегивающихся на пряжку. В этот же комплект входило шейное кольцо, собранное из четырех металлических сегментов³. Из историко-статистического описания Кирилло-Белозерского монастыря известно, что «две железные вериги с крестами, в которых подвизался преподобный; в одной из них веса более восьми фунтов...» размещались в придельной церкви Успенского собора и висели у гробницы святого⁴.

Кресты Кирилла Белозерского находились в одной из часовен, располагавшихся на территории Ивановского монастыря. Святость столь почитаемых реликвий объяснялась самим происхождением последних. Приход святых путников на Белоозеро, ознаменованный священнодействием водружения креста, достаточно подробно описан Пахомием Логофетом. В житии Кирилла Белозерского читаем: «Обойдя множество мест, они (Кирилл и Ферапонт – С.Т.) пришли, наконец, туда, где ныне стоит монастырь. И тотчас святой узнал прежде указанное ему место и очень его полюбил. И, со-

¹ Путевые записки по некоторым внутренним губерниям, М. Погодина // Москвитянин. 1843. Ч. 6. № 11. С. 256. См. также: Остроумов И. Святые нашего Севера: Очерки и рассказы. СПб., 1897. С. 112–113.

² Муравьев А.Н. Русская Фиваида на Севере. М., 1999. С. 266.

³ Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года. С. 272.

⁴ Геронтий, иеромонах. Историко-статистическое описание Кирилло-Белозерского (Успенского) мужского первоклассного монастыря Новгородской епархии. М., 1897. С. 102.

творив молитву, он сказал: «Вот покой мой во веки веков. Здесь поселюсь, ибо выбрала это место Пречистая...». И затем он водрузил крест на том месте и спел благодарственный канон в похвалу... Богородицы...»¹. Впоследствии, вероятно, над этим крестом была сооружена первая часовня, служившая для молитвенного общения немногочисленной братии, собравшейся вокруг богоносного старца. Таким образом, первый крест был установлен Кириллом и Ферапонтом на месте их первоначального поселения, за которым впоследствии закрепился локальный топоним – Кириллов холм.

Спорным остается вопрос о наличии не одного, а целой группы крестов и их аутентичности. Монастырское предание, по всей видимости, объясняло их природу делом рук самого преподобного. Об этом свидетельствуют воспоминания паломников и исторические описания Кирилло-Белозерского монастыря. Так, А. Н. Муравьев, отметивший своим вниманием два креста, заключенных в каменную часовню, рассуждал, что кресты эти поставлены самим преподобным, а изготовлены «из того дерева, от падения коего был спасен чудесным гласом»². Аналогичное истолкование происхождения святынь дает иеромонах Геронтий – автор историко-статистического описания монастыря. В житии Кирилла действительно зафиксирован случай чудесного избавления от падающего дерева, однако сведения о последующем его использовании отсутствуют³. По всей видимости, А.Н. Муравьев, равно как и многие другие информаторы, изложил версию, предложенную самими монахами. По мнению автора статьи о почитании Кирилло-Белозерских крестов И.А. Смирнова, данная версия «оказалась... важной для монастыря, так как она объясняла ситуацию и с количеством крестов и происхождение их целебной чудотворной силы, напрямую связывая их появление с заступничеством Богородицы и показывая, что кресты – дело рук Кирилла Белозерского»⁴.

Кресты Кирилла Белозерского очень почитались в монастыре. Результатом невероятной популярности святынь в среде богомольцев было постепенное нарушение их цельности. Как свидетельствовали многие путешественники, кресты «сильно испорчены и кажутся как бы изрезанными и обгрызенными. Это на самом деле так и есть: кресты испорчены богомольцами, которые получают от них исцеление от зубной боли»⁵. Сами по себе деревянные кресты не могли долго служить по причине плохой сохранности материала, а подобное использование их чудодейственной силы лишь ускоряло разрушение. Во избежание полного уничтожения реликвий в 1855 г. для крестов были сооружены специальные футляры.

¹ Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские / Статья, подготовка текстов, перевод с древнерусского и комментарии Г. М. Прохорова, Е. Э. Шевченко, Е. Г. Водолазкина. СПб., 1994. С. 75.

² Муравьев А.Н. Русская Фиваида на Севере. М., 1999. С. 226.

³ Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. С. 79.

⁴ Смирнов И.А. Может ли исцелять крест Кирилла? // Русский Север. 1997. 30 декабря. С. 11.

⁵ Остроумов И. Святыни нашего Севера: Очерки и рассказы. СПб., 1897. С. 116–117.

Смеем предположить, что дополнительные кресты изготавливались в монастыре по мере разрушения им предшествующих. Так, проведенный в восьмидесятых годах прошлого века дендрохронологический анализ фрагмента одного из крестов, позволил датировать последний лишь началом XVII столетия. Подобные доказательства, однако, красноречиво свидетельствуют скорее о чрезвычайном почитании святынь, их духовной и функциональной востребованности, нежели о вопиющем факте фальсификации реликвий. Таким образом, наличие группы крестов, попечение об их сохранении и восстановлении можно объяснить почитанием святого и превращением Кирилло-Белозерского монастыря в один из главных центров паломничества на Русском Севере.

Несколько святых предметов, хранящих память о святом игумене Мартиниане Белозерском, имелось в Ферапонтовом монастыре. Краткие сведения о личных вещах подвижника содержатся в исследовании И.И. Бриллиантова: «У раки [святого] покажут... простой деревянный посох – костыль св. игумена. В ризнице Ферапонтова монастыря заслуживает внимания простая полотняная риза преп. Мартиниана»¹.

Братия Нило-Сорской пустыни бережно сохраняла немногочисленные вещи преподобного Нила – свидетельства крайнего аскетизма подвижника, его нестяжательских идеалов. В соборе Тихвинской Божией Матери напротив раки святого в особом футляре за стеклом находилась власяница, связанная из темно-серого конского волоса. Рядом с власяницей висели черные четки, сплетенные из грубой тесьмы. По преданию, данные вещи принадлежали самому Нилу Сорскому. В определенных случаях власяницу извлекали из места хранения и использовали во время богослужений. В частности, инок Нило-Сорской пустыни Иоанн (Калинин) сообщал, что иногда «власяницу одевают на больных различными недугами, когда служат молебны угоднику Божию, и по вере больные получают совершенное выздоровление»².

Сакрально-реликтовый комплекс Кирилло-Новоезерского монастыря был представлен личными (кожаные четки, деревянный посох, рукописная следованная Псалтырь в четверть листа) и богослужебными (деревянный потир с иконописным изображением) вещами, соотносимыми со временами игуменства Кирилла Новоезерского. В обители почитался также напрестольный крест, изготовленный, по преданию, из дерева гробовой доски после обретения мощей святого³.

Ряд аналогичных сакралей, связанных с именами Белозерских преподобных, сохранялся в приходских храмах, существующих на месте некогда упраздненных обителей. В храме Благовещения Пресвятой Богородицы Зосимо-Ворбозомской

¹ Бриллиантов И.И. Ферапонтов Белозерский, ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона. К 500-летию со времени его основания 1398–1898. СПб., 1899. Репринт. СПб., 2001. С. 113.

² Иоанн (Калинин), инок. Описание Нило-Сорской мужской общежительной пустыни Новгородской епархии. М., 1913. С. 34.

³ Ванифатиев Н.Г. Отрывки из путевых записок странника. СПб., 1859. С. 14–15.

пустыни (Белозерского уезда), в начале прошлого столетия находившейся в ведении Горницкого монастыря, имелся фрагмент кости некоего морского животного толщиной в обхват человека и высотой около семидесяти сантиметров. По бытующему в данной местности преданию, ее принес сам преподобный Зосима и, желая утруждать себя подвигами, тяжесть эту повсюду носил с собой¹.

В церкви Живоначальной Троицы бывшего Покровского монастыря (Череповецкого уезда) в холодном приделе – месте упокоения Сергия Шухтовского – на окне под стеклянным покрытием хранился посох преподобного. Однако, как уверяли старожилы, демонстрируемую святыню следует относить к более позднему времени, нежели к эпохе подвижничества преподобного Сергия. Подлинный игуменский посох, как выяснилось, вследствие отламывания усердными богомольцами, не сохранился. В двух верстах от церкви находился большой камень, куда, по словам местных жителей, ходил преподобный для уединения и молитвенного стояния².

Все целое почитаемой личности, как мы попытались представить, могло присутствовать не только в святых мощах, но и в объектах, которые просто соприкасались с этим человеком либо его физическими останками. В результате сакральное пространство Белозерских монастырей оказалось насыщено «реликвиями контакта»³, которые считались столь же исполненными благодатью святого, как и его мощи. Священные реликвии имелись, как правило, в каждой обители и почитались наравне с мощами подвижников – основателей монастырей: им, равно как и святым останкам, воздавались должные почести. Они столь же бережно хранились в монастырских храмах и ризницах, являясь объектом почитания и поклонения верующих. Некоторые из священных предметов использовались в богослужебных целях; многие люди, приложившиеся к той или иной святыне, по вере своей могли получить долгожданное исцеление.

В условиях тотального закрытия монастырей, разоблачения «культы мощей» и разрушения приходских храмов, подобные сакралии как никогда были востребованы верующими. Вся полнота святости того или иного подвижника, сообщенная этим святыням и сосредоточенная в них, по-прежнему привлекала паломников, что, вне всяких сомнений, препятствовало нарушению традиции. Таким образом, изучение круга вещей, составляющих реликтовый комплекс православных монастырей, является чрезвычайно актуальным. Оно дает целостное представление о том, что собой представлял сакральный микромир обителей и какова была степень его воздействия на формирование и бытование религиозных традиций, связанных с почитанием местных святых.

¹ Летопись Горницкого монастыря // Кириллов: Историко-краеведческий альманах. Вып. I. Вологда, 1994. С. 351.

² Порошков Н. Исторические сведения о бывших и существующих монастырях, их строителях и основателях в Череповецком уезде Новгородской епархии // Новгородские епархиальные ведомости. 1895. № 7. С. 432.

³ Термин, употребляемый П. Брауном (см.: Браун П. Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве. М., 2004. С. 103).